

Содержание

ИГРЫ СОВРЕМЕННОКОВ

Письмо первое. Из Мексики — обращаясь к истоку времени	7
Письмо второе. Существо величиной с собаку.	96
Письмо третье. Бык-дьявол и Дух тьмы.	178
Письмо четвертое. Блистательная пятидесятидневная война	252
Письмо пятое. Семья человека, описывающего мифы и предания	369
Письмо шестое. Лес деревни-государства- микрокосма	437

ЗАПИСКИ ПИНЧРАННЕРА

Глава I. Золотой век послевоенного бейсбола	511
Глава II. Нанят писатель-невидимка	554
Глава III. Однако все это было в прошлом	583
Глава IV. Мы сразу же включились в борьбу	608
Глава V. Чувствую, что заговорщики чуждаются меня	639
Глава VI. Так я встретился с Могущественным господином А., то есть с Патроном	671
Глава VII. Всестороннее изучение Патрона	698
Глава VIII. Всестороннее изучение Патрона (продолжение)	729
Глава IX. Двое превратившихся анализируют будущее	762
Глава X. Одиссея Корпуса лососей	788
Глава XI. В Токио прибывают ряженые	818
Глава XII. Двое превратившихся ссорятся между собой	839

Игры современников

Письмо первое
ИЗ МЕКСИКИ — ОБРАЩАЯСЬ К ИСТОКУ
ВРЕМЕНИ

1

Сестренка, это труд, к которому я готовился всю жизнь: думал — вырасту и когда-нибудь обязательно возьмусь за повествование. Работа, к которой я до сих пор не решался приступить, хотя и был твердо уверен, что если уж возьмусь, то непременно найду нужную форму и буду писать, не раздумывая. И вот теперь я собираюсь рассказывать обо всем в письмах к тебе. Передо мной твоя фотография: ты, сестренка, в джинсовых шортах и красной рубаше, узлом завязанной на талии, так что виден живот; лицо твое, с высоким чистым лбом, озарено улыбкой. К фотографии прикреплен скрепкой цветной слайд — на нем ты совершенно обнаженная. Я приколот фотография со слайдом к деревянной панели в своей комнате в Мехико, надеясь, что они будут воодушевлять меня.

Эвакуированные к нам во время войны специалисты по небесной механике дед Апо и дед Пери, вникнув в замысел Разрушителя и создателей, пришли к выводу, что оба наших поселка — один в долине, другой в горах — представляют собой единое целое: деревню, государство

и даже микрокосм. Не позабыв об этом и после того, как их увезли от нас, я, следуя их указаниям, с самого начала буду именно так именовать наш край.

В прежние времена, когда в деревне-государстве-микрокосме рождался ребенок, прибегали к такой уловке: дожидались появления еще одного и заносили обоих в книгу посемейных записей как одного человека. Эта уловка была проявлением внутреннего сопротивления: внешне покорившись Великой Японской империи, к ней прибегли после долгого периода, именуемого Веком свободы, — того, что последовал сразу же за основанием деревни-государства-микрокосма. Но после поражения в пятидесятидневной войне между деревней-государством-микрокосмом и Великой Японской империей от этой уловки пришлось отказаться. Даже у Разрушителя, придумавшего ее, не хватило сил ее возродить.

Вот почему, появившись на свет уже после пятидесятидневной войны, я обосновался в реальном мире, будучи зарегистрирован в книге посемейных записей один, как это принято делать обычно. И все же еще до школы я, как бы перечитывая первоначальный замысел Разрушителя, обнаружил в этом мире двойника. Обнаружил тебя, сестренка, своего близнеца. Разумеется, двойник — не просто моя выдумка. В данных нам с тобой именах просматриваются козни стариков, все еще цеплявшихся за старую уловку с книгой посемейных записей. Однако, появившись на свет близнецами, но разнополами, мы нарушили стройный замысел Разрушителя. Отнюдь не благодаря проникновению в его планы я признал тебя своим повторением. Только благодаря тебе меня осенило — словно вспыхнул огонь в душе — и я постиг значение планов Разрушителя в истории нашего края.

В маленьком городке Малиналько я обнаружил, что из глубины сердца взываю к тебе — неотъемлемой частице меня самого, и поэтому, сестренка, приступил к работе, заново осознав свою миссию — описать мифы и предания нашего края. Именно тогда я, вдохновленный

прикрепленным к твоей фотографии цветным слайдом, и решил рассказывать обо всем в письмах, решил писать. Дух захватывало при мысли о том, что через тебя, ставшую жрицей Разрушителя, я расскажу ему мифы и предания нашего края. Городок Малиналько, где я принял это решение, примостился на крутом склоне обращенной к пустыне горы, у подножия которой разбросаны возделанные поля; он ничем не отличается от большинства старинных мексиканских городков, история его была долгой и запутанной. Потрясение, выпавшее однажды на мою долю в этом городке, неожиданно воскресило во мне намерение описать в письмах к тебе мифы и предания нашего края — намерение, осуществление которого я с давних пор все откладывал и откладывал. Здесь, в четырех часах быстрой езды от Мехико, я оказался, разумеется, не потому, что на меня была возложена миссия описывать мифы и предания нашего края. Потрясение, благодаря которому я наконец обратился к предназначенной мне роли летописца, выпало на мою долю совершенно случайно. Я услышал интересный рассказ от одного человека, выходца из Германии, получившего американское гражданство; увлекшись японским языком, он бросил на полпути изучение истории филиппино-мексиканских отношений и жил теперь в собственном доме, построенном в поселке индейцев и метисов на окраине Малиналько. Именно рассказ этого самого Альфреда Мюнцера и послужил для меня толчком.

— Чтобы посмотреть на пирамиду, сюда, в Малиналько, приехала группа туристов из Японии. Сопровождавший их японец, говоривший по-испански, человек чудаковатый, заявил, что хотел бы купить здесь гектаров сто пустоши, начиная вон оттуда, от той горы, где сейчас что-то жгут — видите, поднимается дым? — и до этой церкви при кладбище. Он даже стал расспрашивать, во сколько ему обойдутся эти сто гектаров. Зачем? Чтобы люди с его родины, предводительствуемые стариками, основали здесь новое государство. Раньше этот японец

искал такую землю в пределах своей страны, а теперь разъезжает туристом и ищет ее по всему свету. Если авиакомпания «Никко» организует туристский маршрут на Марс, он с радостью присоединится к такой группе в качестве гида и будет подыскивать там территорию, необходимую для основания государства. Оказывается, эту миссию еще в детстве возложила на него родная община. Человек он, конечно, чудаковатый, и, слушая его, я с трудом сдерживал улыбку.

Альфред Мюнцер рассмеялся, как будто сбрасывая с себя непосильную ношу. Разговаривая по-японски, он громко сопел и издавал странные горловые звуки, точно раздувал кузнечные мехи. Правда, в смехе его слышалась печаль. Смех этот: «ха-а, ха-а, ха-а» — напоминал крик койота в гулкой каменистой пустыне.

Рассказ Мюнцера, который, ни с кем из местных не общаясь, жил с женой-индианкой в Малиналько, маленьком городке, расположенном на Мексиканском нагорье и окруженном неприступными скалами, куда вела одна-единственная дорога через перевал, произвел глубокое впечатление на меня, человека, занесенного в далекие края, оторванного от тех мест, где мне надлежало быть. Поглощенный своими мыслями, я с тех пор постоянно пребывал в задумчивости. Одно отчетливо помню: как раз тогда у меня разболелась десна коренного зуба. Воспоминания того времени, начиная с впечатлений от грандиозных атмосферных явлений, событий, происшедших в Малиналько, развалин недостроенной пирамиды на вершине горы и кончая такими мелочами, как колючки кактусов, торчащих из сухой земли между черными скалами, и снующие между ними муравьи, до сих пор ассоциируются у меня с зубной болью и со словами Альфреда.

У меня такое чувство, что с того самого дня, как я добрался до Малиналько, я уже был внутренне подготовлен к потрясению, которое произвел во мне его рассказ. Все началось, когда мы с Альфредом, поднимаясь по беско-

нечному склону, добрались наконец до развалин пирамиды, откуда открывался вид на обращенные к пустыне дома-утесы в глубине долины, и он, указав на церквушку — не ту, при кладбище, а на другую, — сказал с совершенно искренним возмущением, что при ее постройке «святой отец», пришедший вместе с испанскими конкистадорами, заставлял перетаскивать туда камни от пирамиды. Может быть, мраморные плиты, которые даже на расстоянии казались грубыми, неотесанными, а также покрытые лаком оконные переплеты церквушки, видневшейся далеко внизу на площади, напомнили мне стоявший посреди нашей деревни амбар для хранения воска. И я задумался о судьбе древнего сооружения, которое разрушили, чтобы добыть материал для новой постройки.

Крытое массивной испанской черепицей низкое здание за каменной оградой казалось совсем темным оттого, что сплошь заросло цветущей бугенвиллеей*. Дом Альфреда, как и все дома индейцев вокруг, — старое строение, украшенное резными балками, но рядом с ним, за той же каменной оградой, высилось еще одно необычного вида здание: современная железобетонная коробка, внутри полностью копирующая японское жильё. Таким способом Альфред отгораживался от живших в городке индейцев. Когда я там появился впервые, в небольшом дворике, зажатом между этими двумя домами, под высокой липой стояли два грузовичка и джип — то ли их ремонтировали, то ли просто осматривали. Из-за автомобилей одновременно выглянули индеец-автомеханик и молодая жена Альфреда — сверкая черными глазами, она улыбалась, демонстрируя крепкие зубы. Ее лицо показалось мне точной копией с изображений индейских воинов, которые я видел на фресках дворца Кортеса в Куэрनावаке. Там по одной стене — отдельные эпизоды прошлого, начиная от захвата Мексики и кончая рево-

* Многолетний цветущий кустарник. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

люцией, и эта современная ретроспектива заставила меня, сестренка, задуматься над явственными до боли мифами и преданиями нашего края. И вот в тот день, впервые после приезда в Малиналько, я оказался во власти предчувствия того, что позже открылось мне в словах Альфреда. Моя душа, мои чувства устремились навстречу тем людям, которые за десятки тысяч километров отсюда, в нашем крае, затерявшемся в горах Сикоку, щедрой рукой кормят чуждую им власть. Кто знает, сможет ли наш край навсегда сохранить свой нынешний облик и жить нормальной жизнью, но если деревня-государство-микрокосм окажется перед лицом гибели, то на поиски новой земли обетованной будут посланы разведчики, готовые носиться по всему свету на реактивных самолетах и даже отправиться на Марс. Слова Альфреда искрой воспламенили подготовленную предчувствием душу, и тогда постоянно улавливаемые мной биотоки, излучавшиеся нашим краем, разбудили в моей груди силы, подобно сжатой пружине рвущиеся на волю, и я уже не мог мыслить ни о чем ином, кроме как о возложенной на меня миссии. Я до конца прозрел, увидел в истинном свете нашу деревню-государство-микрокосм, и потому мир Альфреда, где я обитал, перестал для меня существовать, я погрузился в забытие. Придя в себя после этого странного обморока, я спустился в пустыню, простиравшуюся передо мной, и сел прямо на землю; рядом у ивы с искореженным суровым климатом стволом стоял побитый, весь во вмятинах, точно в синяках, джип. С сухого, растрескавшегося ствола донесся, будто завывание ветра, тонкий свист — это вылезла посмотреть на меня исхудавшая игуана. Далеко внизу, у самого основания склона, виднелся глубокий каньон — точно земля разверзлась; в сезон дождей там клокочет, наверное, бурная река. На противоположной стороне — заросший кустарником луг, где индеец с ружьем, болтавшимся на плече, пас коров. Сразу же за лугом высились отвесные скалы.

Здесь, среди скал, я, сестренка, вновь подумал о том, что, выполняя свою миссию, должен буду четко обрисовать этот пейзаж, когда мы, ведомые Разрушителем, придем, чтобы поселиться здесь. Крутые склоны высоченных гор образуют огромную замкнутую чашу. Дно чаши — пустыня, и я сижу на пороге этой пустыни, устремив взгляд вверх. Редкий сосновый лес, растущий посреди склона, напоминает пейзажи корейских художников-бундзинов*, а выше — точная копия альпийских лугов. Я хочу, чтобы ты поняла: даже соединяя взглядом эти отдельные, не связанные между собой куски картины, целиком охватить ее невозможно, если не пустить в ход все свое воображение. Но я, сестренка, держал в руках спасительную путеводную нить. У меня было чувство, что взгляд на пустыню с вершины горы подсказал мне выбор — в этом, собственно, и заключается обязанность разведчика нашего края с самого его рождения, — и вот свершилось, выбор сделан: место, подходящее для новой деревни-государства-микрокосма, найдено. Я пришел к этому интуитивно, интуиция подкреплялась все усиливающейся зубной болью, одолевшей меня в дороге, когда наш джип метался среди стада быков, оказавшегося на нашем пути: раздирая себе брюхо о колючую проволоку, они перескакивали через ограду, отделявшую пастбище от шоссе. Сначала только первый справа нижний коренной зуб, а потом еще и два по бокам от него стали шататься, десна распухла. Правую щеку раздуло, она сделалась в два раза толще. Оба моих приятеля-латиноамериканца, спустившиеся со мной в пустыню, удрученные зрелищем моих страданий, не в силах видеть мое перекошенное лицо, оставили меня одного и отправились в эвкалиптовую рощу у края каньона, где бил ключ. Они принадлежали к тому разряду людей, которые даже не с брезгливостью, а скорее с возмущением относятся

* Так называли в средневековой Японии художников-непрофессионалов.

к страданиям окружающих. Хотя, я думаю, покинув меня и оказавшись у свежего родника, они наверняка мучились угрызениями совести оттого, что бросили своего товарища.

Тем временем, сидя на сухой, потрескавшейся земле и невыносимо страдая от зубной боли, я, сестренка, наблюдал, как, переливаясь всеми цветами радуги, в пустыню спускаются с гор сумерки, и постепенно обретал душевный покой. Обретал потому, что ощущение зубной боли крепко, почти осязаемой нитью связывало меня с нашим краем, с тобой. За несколько часов до нашего появления на свет отец-настоятель местного храма задумал, что, если родится мальчик, он вырастит из него летописца нашей деревни-государства-микрокосма. А если девочка, он сделает ее жрицей Разрушителя. Видимо, так все и будет. Раньше, сестренка, ты, кажется, этому не верила, а теперь твердо убеждена, что все произошло так, как он хотел: моя миссия — описать мифы и предания, твоя — быть жрицей. Но я уже давно думаю вот о чем: должно быть, отец-настоятель подвергал меня серьезным испытаниям для того, чтобы решить, по плечу ли мне такое дело. В конце концов, выдержав экзамен, я под руководством отца-настоятеля со спартанской последовательностью стал постигать мифы и предания деревни-государства-микрокосма. Позже отец-настоятель решил, что если я не покину наш край и не займусь серьезным изучением истории, то не смогу выполнить возложенную на меня миссию, — вот я и поступил в Токийский университет; а это в свою очередь явилось причиной того, что я, человек, обязанный описать мифы и предания нашего края, теперь вдруг отправился читать лекции в университет Мехико. Таким образом я стал «образованным человеком», как говорят в нашем крае, вкладывая в эти слова особый смысл: мол, у нас в долине и горном поселке появилось слишком уж много этих так называемых «образованных людей», не способных на настоящее дело. Такое положение полностью противо-

речило изначальной воле созидателей и Разрушителя. Ты согласна со мной, сестренка? Вот почему отец-настоятель подвергал меня в деревне таким серьезным испытаниям. Ты, наверное, удивишься, но как раз зубная боль и подтвердила вновь, что именно на меня возложена эта миссия, уготованная мне еще до рождения; и ведь та же самая зубная боль разграничила наши жизненные пути: у тебя был свой, у меня — свой. В нашем крае ты обладала самыми прекрасными зубами, а я не помню такого дня в детстве, чтобы у меня они не болели. И поскольку у нас был только один зубной врач, я не мог монопольно пользоваться им. Вот мне и приходилось самому заниматься лечением зубов. Ты часто присутствовала при этом, но тебе, сестренка, с состраданием и в то же время с интересом молча наблюдавшей за моими действиями, они представлялись не столько лечением, сколько безумным самоистязанием. А делал я вот что: острым осколком камня расковыривал черное дупло в зубе и раздирал вспухшую десну. От этого зубной нерв точно заряжался статическим электричеством огромной силы, и все завершалось тем, что я, истошно вопя, валялся на землю. Потом, на глазах у тех, кто с любопытством наблюдал за мной, я снова находил острый камень и начинал ковырять им в том же месте. Боль не утихала, голову, затылок охватывал изнуряющий жар, на губах выступали кровь и пена, а лицо становилось серым, как камень, крепко стиснутый зубами. Эту процедуру я проделывал на песчаном берегу реки под пристальными взглядами моих сверстников. Тебе некого было звать на помощь, и ты молчала, а остальные ребята со всех ног бежали домой рассказывать об увиденном. Обо мне сложилось мнение, что я, хотя и напоминаю своими действиями безумца, на самом деле совсем не безумец, да и не глупец. Ты, сестренка, в детстве была молчаливой, не в пример мне, болтуну, и поэтому я никогда не знал, как ты относишься к моим выходкам. Чего же я добивался своими действиями? Пытаясь выяснить, что представляет собой

мучившая меня днем и ночью нестерпимая зубная боль, я приходил к мысли, что, когда она станет такой нестерпимой, что полностью отравит мое существование, тогда-то в меня и вольется сила, вершившая судьбами нашего края, то есть сила Разрушителя. Сила, которая спасет несчастного мальчишку, не способного ничего осуществить самостоятельно. Разумеется, сколько я ни ковырял зубы осколком камня, эта могучая сила не приходила мне на помощь. Покой, наступавший в те минуты, когда я терял сознание от непереносимой боли, я мог считать милостью, ниспосланной мне этой могучей силой, — вот единственное, что мне оставалось. И пока я валялся без сознания, ты, сестренка, охраняла мое распростертое тело...

И все-таки я не восставал против могущества Разрушителя, подчинившего себе деревню-государство-микрокосм. Что верно, то верно. Отец-настоятель прекрасно подметил мое преклонение перед этой силой и, видимо, окончательно утвердился в мысли, что я и есть тот самый человек, с появлением которого он связывал свои надежды: человек, способный описать мифы и предания нашего края. В отличие от тебя сегодняшней ты, как мне представляется, в то время не испытывала ни малейшего почтения к Разрушителю — настолько, что отец-настоятель был даже склонен заменить тебя мной в роли его жреца.

Итак, я, человек средних лет со вспухшей десной, сидел в Малиналько на сухой, потрескавшейся земле, и карман моих брюк оттопыривал каменный топор. Это был топор индейцев, строивших пирамиду, Альфред нашел его, когда мы стояли на развалинах: пытаясь вырыть орхидею, он подобрал острый камень и неожиданно для себя обнаружил, что его очень удобно держать в руке, хотя на первый взгляд и не было похоже, что камень специально обработан. Обойдя крутую скалу, на которой высилась пирамида, и поднявшись по противоположному ее склону, мы увидели выдолбленное в скале

святилище; перед входом было высечено лицо бога Земли, а на стенах — барельефы пумы, черепахи и орла. Я подумал, что в нашем крае таким сохранившимся памятником старины была лишь Дорога мертвецов...

— К моменту завоевания индейцы в этих местах недалеко ушли от забот древнего мира — они как раз соорудили пирамиду. — Ненависть, клокодавшая в груди Альфреда, подступила к горлу, и он даже поперхнулся. — «Святой отец» уничтожил изваяния в святилище, но барельефы на стенах почему-то решил не трогать. Индейцы высекали их такими вот каменными топорами.

Далекие предки местных жителей несколько столетий назад каменными топорами выдолбили в скале огромную пещеру, вполне пригодную для жилья, и даже украсили ее изваяниями и барельефами. Размышляя об этих людях, я в мыслях унесся от пирамиды Малиналько ко времени основания нашей деревни-государства-микросома. Это было как стремительный полет орла, высеченного там на барельефе... Нащупав в кармане грязный, мокрый, точно пульсирующий в руке камень, я как бы проник в собственное нутро и тут же вообразил себя одним из создателей деревни-государства-микросома, человеком древности, последовавшим за Разрушителем. И поскольку я обнаружил в себе стремление обратиться к нашей древности, то одним этим, не написав еще ни строчки, уже приступил к выполнению возложенной на меня миссии летописца нашего края. Ты меня понимаешь? Испытывала ли ты когда-нибудь такое же чувство? Ведь тебе, сестренка, как жрице Разрушителя был открыт путь к духовному слиянию с ним.

Каменный топор, который я достал из кармана, уже высох, и на его бесчисленных темно-серых сколах, напоминающих рваные раны, белой пылью налипла земля. Древний топор индейцев, согретый телом человека из деревни-государства-микросома, живущего во второй половине двадцатого века. Отыскивая центр тяжести этого увесистого куска камня, я перехватывал его и так

и эдак, пока наконец не взял как нужно. Глядя на свою правую руку с зажатым в ней каменным топором, я понял, что точно так же могла выглядеть рука древнего человека.

Мне были ведомы лишь два назначения каменного топора, побывавшего в руках древнего человека: ковырять распухшую десну, вспоминая далекие дни детства, когда мы с тобой, сестренка, жили еще вместе на родине, или выкапывать из земли мелкие камешки. Если бы люди нашего края: жители горного поселка и жители долины — все, оставшиеся в живых, переселились сюда, основав в Малиналько новую деревню-государство-микрокосм, Разрушитель устроил бы празднество. И тогда переселенцы, отыскав возле пирамиды каждый по каменному топору, начали бы копать вожделенную землю, сухую и потрескавшуюся, — вот какое, наверное, было бы это празднество.

Когда ведомые Разрушителем созидатели, основавшие деревню-государство-микрокосм, достигли нашего края, затерявшегося в горах Сикоку, путь им преградила неприступная стена, и для ее уничтожения, кроме взрывчатки Разрушителя, они располагали лишь несколькими мотыгами и лопатами. Ведь прежде они были воинами, а не крестьянами. Вот почему большинство действовало самодельными каменными топорами. Сначала, разумеется, шла в ход взрывчатка Разрушителя, а уж вся остальная работа по расчистке завалов делалась руками людей.

Здесь будет по-другому, когда в разгар упадка общины начнется создание деревни-государства-микрокосма на этой окруженной горами скудной земле Мексиканского нагорья, куда переселятся старики и молодые, мужчины и женщины, в той или иной мере превратившиеся в «образованных людей». Торжество во славу каменного топора, выдолбившего святилище в скале, которую венчают развалины пирамиды, — именно оно должно подвигнуть нас на строительство нового мира в Малиналько.

Сестренка, я сейчас читаю лекции в университете Мехико и одновременно, выполняя работу, порученную мне Центром по изучению стран Азии и Северной Африки, которому подчинена моя лаборатория, привожу в порядок подаренные Центру записки японских переселенцев. Это еще одна из сторон моей деятельности ученого-историка, идущая вразрез с моим жизненным предназначением — описать мифы и предания деревни-государства-микрокосма. Попался мне такой, например, документ. Когда Такэаки Эномото создал в 1897 году поселение в Мексике, японцы, которым не удалось захватить землю для посевов, с криками: «В Мехико! В Мехико!» — двинулись в столицу, рассчитывая на помощь. Это шествие японцев — оборванных, нечесаных, являвших собой полную противоположность конным конкистадорам, тоже направлявшимся в Мехико, — вызывало в сердцах забитых и униженных индейцев, толпившихся вдоль дорог и провожавших глазами полчища беженцев, скорее всего, сочувствие. Может быть, когда японцы придут сюда, чтобы основать новую деревню-государство-микрокосм, и каменными топорами начнут долбить эту скудную землю, индейцы Малиналько отнесутся к ним с симпатией?

...Приготовившись символическим жестом возвестить об основании новой деревни-государства-микрокосма, я занес над головой каменный топор, чтобы вонзить его в землю, но вдруг мне показалось, что с окружающих гор доносится голос предостережения, и я замер в ужасе. Это был, сестренка, предостерегающий голос из нашего края, лежащего далеко за морем, предостерегающий голос Разрушителя, и никого иного. Я, призванный лишь описать мифы и предания деревни-государства-микрокосма, не более, живу вдали от наших мест и связан с ними лишь тем, что временами сопровождаю в качестве гида группы туристов, прибывающие в Мексику на реактивных авиалайнерах. Так что я совершенно не гожусь на роль раз-